

Станислав Викторович Хромов

*Андрей
Боголюбский,
или Смерть
русского Цезаря*

Трагедия в пяти действиях

**Станислав Викторович Хромов
Андрей Боголюбский, или
Смерть русского Цезаря.
Трагедия в пяти действиях**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31726457

ISBN 9785449070227

Аннотация

Трагедия С. Хромова в пяти действиях «Андрей Боголюбский, или Смерть русского Цезаря» повествует о перипетиях русского раздора, начале смуты и гибели Владимирского царства.

Содержание

Андрей Боголюбский	6
Трагедия в 5 действиях с эпилогом	7
Содержание	8
Действующие лица	9
Действие первое	11
Действие второе	74
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Андрей Боголюбский, или Смерть русского Цезаря Трагедия в пяти действиях

**Станислав
Викторович Хромов**

Иллюстратор Станислав Викторович Хромов

© Станислав Викторович Хромов, 2024

© Станислав Викторович Хромов, иллюстрации, 2024

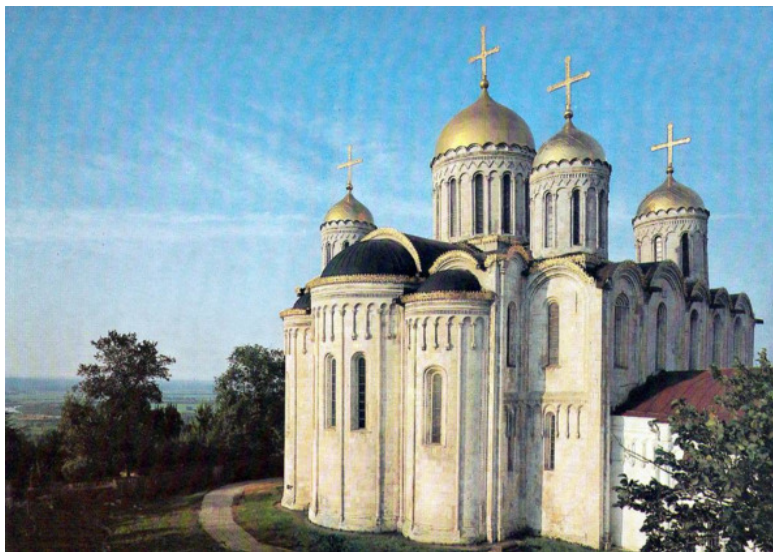
ISBN 978-5-4490-7022-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Станислав Хромов

Андрей Боголюбский или Смерть русского Цезаря

Трагедия в 5 действиях с эпилогом

Трагедия С. Хромова в пяти действиях «Андрей Боголюбский или Смерть русского Цезаря» повествуют о перипетиях русского раздора, начала смуты и гибели Владимирского царства.

Содержание

Действие первое

Действие второе

Действие третье

Действие четвертое

Действие пятое

Эпилог

Действующие лица

Андрей Юрьевич Боголюбский, великий князь суздальский и ростовский, сын Юрия Долгорукого

Улита Кучковна, первая жена его, дочь боярина Стефана Ивановича Кучки, легендарного владельца Москвы, убитого Юрием Долгоруким

Великая княгиня, вторая жена его, родом из камских болгар

Юрий Андреевич, младший сын Андрея Боголюбского от первого брака

Всеволод Юрьевич, брат Андрея Юрьевича Боголюбского

Борис Жирославович, старший воевода

Кузьма Киянин, дворецкий замка Боголюбова, сподвижник Андрея Боголюбского

Прокопий, любимый слуга Андрея Боголюбского, спальник

Анбал Ясин, ключник замка Боголюбова, крещеный яс

Ефрем Мойзич, слуга, крещеный иудей

Петр Кучкович, боярин, зять Стефана Кучки

Яким Кучкович, боярин, доверенное лицо Андрея Боголюбского

Шварн, переяславский боярин, богатырь

Михн, мечник

Феодор, епископ суздальский

Феодул, игумен храма святой Богородицы Владимирской, духовник Андрея Боголюбского

Микула, сподвижник Андрея Боголюбского, протопоп, глава капитула Успенского Собора

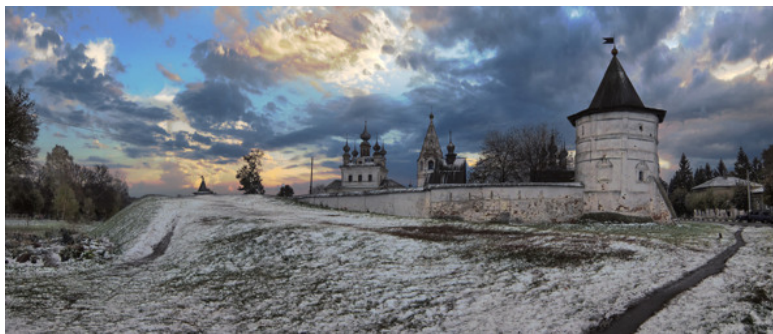
Ор, бродячий певец

Послы подчиненных княжеств

Послы половецкие

Послы черных клобуков

Народ владимирский, посадские, дружинники, слуги, бояре, купцы, строители, стража, черноризцы, лавочники, иноземцы

Действие первое

Парадная зала замка Боголюбова.

Андрей сидит в богато убранном тронном зале.

Голова его гордо поднята.

Входит Улита.

Улита:

Мой господин,
прости,
что нарушаю
Твой отдых краткий...
В княжеских заботах
Проходят дни короткие,
а ночи
Я все одна...
Зачем привез ты ныне
Меня сюда – чтоб долгими часами
Сидела я в светлице одинокой,
Чтоб слезы проливала над подушкой —
Не вдовая,
не мужняя жена?
На что мне эта роскошь Византии,
Диковинные царские палаты,
Сады и парки,
добрыми руками

взращенные для горя и тоски.
Мне душно в Боголюбове!
Я вижу,
Ты позабыл несчастную Улиту.
Не посещаешь долгими ночами
И тайно уезжаешь во Владимир
К своей...
Ну, к этой...
Дикой полонянке.

Андрей (*отходя от своих мыслей*) :

Улита, свет, что сделалось с тобою,
Ты никогда мне раньше не пеняла
На жизнь свою, и в прежние лета
Всегда была опорой и поддержкой,
И нежной лаской сердце согревала,
Я помню, помню!

Улита:

Помнишь?

Андрей:

Помню, лада!
Ты боль мою руками разводила,
И солнышку подобно на рассвете,
Рассеивала хмарь и непогоду

В душе моей, и тучи грозные
Могла одним лишь словом разогнать,
И никогда ни в чем не обвиняла,
Любила ты и в радости и в горе,
И до сих пор молитвами твоими
Я жив еще и Господом храним!

Улита:

Спасибо, князь, на слове задушевном,
Но что теперь?
Какая злая сила
Нас разлучить сумела так жестоко,
Что за печать проклятия на нас
Лежит от самой свадьбы?
Не смогла я
Сорвать ее, расплавить жаром сердца
И ниточку судьбы моей превратной,
Разорванную нашими отцами, связать навек...

Андрей:

Пустое говоришь!
Я за отца пред Богом не ответчик...
И если бы воскрес он перед нами
Вот в этот миг – о, многое сказал бы
Ему я нынче!
Как бы подивился
Он силе нашей, славе и величию,

И мощи всей Руси объединенной,
Согласию, которого он тщетно
Искал в земле, да так и не нашел.

Улита:

Да так ли это?
Нет в Руси покоя,
Нет мира никакого меж князьями,
И каждый смотрит, как бы у соседа
От вотчины краюху отхватить.
А смерды, пограничные особо,
Костят и тех, и этих без разбору —
Сегодня любят, завтра ненавидят
Владельцев, а черны клобуки
В окраинах наглеют год от года,
И нет от них защиты ниоткуда,
А князь великий слишком далеко.
Подумай лучше наперво о сыне.
Оставь свои опасные затеи,
Оставь мечты, не сбывшиеся в жизни —
Что будет с нами, с Юрием — когда ты
Уйдешь?

Андрей:

Однако, рано отпеваешь,
Я дел земных еще не завершил!
Намерил много, только не удержишь

Улита:

Руси в одних руках ты, хоть три жизни
Еще за этой следом проживи —
Второму Красну Солнышку не править,
Из мертвых не воскреснуть Ярославу.
Другие люди нынче на Руси —
Пока ты без оглядки к самовластью
Спешишь, обычай дедов попирая,
Во всех земли многострадальной,
Болотную гадюкой затаившись,
Измена будет ожидать тебя!

Андрей:

Пугаешь, что ли?

Улита:

Князь...

Андрей:

Молчи, Улита,
Что смыслишь ты в устройстве государском?
Измена там скрывается,
на юге —
Ты погляди теперь на стольный Киев,

Кем стала мать русских городов!
Кругом князьки удельные, как тати
Друг друга грабят.
Попраны законы,
То берендеям кланяются низко,
То к польскому зывают королю —
По всем дорогам рыщут их дружины.
И разоряют собственную землю,
Которая от веку переходит
К другим князьям по роду старшинства.
И нет в земле хозяина меж ними,
Уж о боярах я не говорю!

Улита:

Мы об одном как будто, хоть и розно,
Но как же я?
Зачем все это мне?

Андрей:

Все это боль моя.

Улита:

Покаяться не поздно,
Бог милосерден, все мы в этом мире
Не без греха. Тебе молить прощенья
И без меня отыщется за что.

Андрей:

Не каюсь я в делах своих,
Улита —
На это есть смиренные монахи,
Они грехи отмолят,
им сподручней —
За то, что без родительского слова,
Без ведома отцовской с дружиной,
Да с верными холопами своими
Я Вышгород покинул,
не спросившись,
И в Киеве стола не домогался,
Положенного мне теперь по праву,
Которого отец мой не сыскал,
Хотя и слыл в народе Долгоруким...

А может быть, спешил сюда к тебе?
Уж много лет, как минуло то время,
И вот я здесь – великую державу
Я создал на языческих станových —
Ростовскую и Суздальскую Русь.
Я населил моими городами
И селами, и несть числа народу
В бесчисленных владениях моих.
Подвластны нам Белозеро и Устюг,
Гороховец, Коломна,
Тверь и Нижний,

И Киев ныне голову склоняет,
И Новгород надменный бьет челом.

Улита:

Но нет у Мономаховичей ладу...

Андрей:

А коли нет пока еще, так будет —
На этом крест я людям целовал,
И волей избран божьей и народной!
И все князья клялись мне на кресте же.

Улита:

Ты слишком веришь в собственные силы.

Андрей:

Не в собственные, Уля, а в людей.
Меня Роман на Киеве не выдаст,
И Рюрик новгородский не изменит —
Недаром их пожаловал столами,
Теперь мне Ростиславичи верны.

А прочие утихнут постепенно,
Удел отцов навечно принимая,
И будут править дети их и внуки

Из рода в род.

А мы над всею Русью!

Улита:

Навечно?

Андрей:

Да!

Улита:

А лучшие бояре,
Посадниками севшие когда-то?

Андрей:

Бояре – слуги княжие, не боле,
И мне они,
Улита, не указ,
Когда казнить и миловать я волен,
То зря своих холопьев не обижу,
Да и они из отчины забудут
На службу бегать к молодым князьям.
Однако гнешь куда ты..

Улита:

Интересно,
Князя в благословенное то время
Уж по любви не будут, как бывало,
Жениться на боярских дочерях?

Андрей:

А, вот о чем!
Пойми меня, родная,
Чтоб уберечь великую державу,
Я должен укрепить ее границы.

Улита:

Такой ценой?

Андрей:

Любой ценой, Улита,
За это перед будущим в ответе,
Не упрекай.
Одну тебя любил я,
И видит Бог, вовек не разлюблю.

Улита:

Ты правду молвишь?

Андрей:

Правду, Уля, правду,
Жена дается первая от Бога,
Наш брак с тобой на небе освящен!

Улита:

Мы столько лет в согласии прожили...

Андрей:

Не думал я супругой звать другую,
Хотелось жизнь прожить по-христиански
С тобой вдвоем...

Улита:

Зачем же ты?...

Андрей:

Угроза! Ты все сама прекрасно понимаешь,
О счастья своем не помышляю,
Когда грозят поганые земле,
Что перед ней двоих влюбленных счастье,

Кто оценить сумеет и измерить
Печаль мою сердечную и муку,
И тяжесть государственного груза,
Что давит грудь плитой надмогильной —
И камень сей не свалится с души!
А этой свадьбой новою я нынче
С булгарами покончил дело разом
На прочный мир и вечную любовь

Улита:

Они и так разгромлены тобою
И русичи давно уж в их пределах
Живут себе и здравствуют безбедно.
А сколько ты болгарского полону
Тогда в своих уделах расселил.
Хитришь со мной.

Андрей:

Они еще полдела,
Враги Руси сильнее и опасней.

Улита:

Какие?

Андрей:

Половцы.

Улита:

Но ты в союзе с ними.

Андрей:

С волками разве может быть союз!

Улита:

Всегда они оказывали помощь,
Князь Юрию,
пока был жив Аепа,
Твой дед родной,
под княжеские стяги
Вставала биться ханская орда.

Андрей:

Степные волки!

Ведома их помощь —
Уж пол Руси по вежам растащили,

А при отце особо постарались,
Прикрывшись званьем матери моей.

Улита:

У вас ведь так ведется меж князьями...

Андрей:

А если бы не с нами,
шли бы с ними,
И с черными клобуками совместно,
Договорившись,
дикие народы
Сожгли бы и разграбили всю Русь.

Улита:

Да так ли это было?

Андрей:

Так, Улита.
В родне свои поганные со степью —
Того гляди, навалятся вместеях.
И потому, чтоб северные веси
От хищника хоть мало оградить,
Женился я.
Сама ты видишь нынче,
Какие отношения меж нами —
Пускай себе княгиней во столице
Сидит она,

а мы уже тем часом,
С булгарами сошедшись по родству,
Подыдем их на половцев, а с ними
И берендеев, торков, печенегов, —
Коли с мечом затешется на север
Опять сюда отцовская родня...

Улита:

Ты ничего женитьбой не добился.
Уж не держи за девку ту простушку —
Не с этими заратиться, так с теми.
На всех и сам Господь не угодит.

Андрей:

А лучше бы и с теми, и с другими,
И между южной братией поладить,
Как было в года князя Ярослава —
В том наша Вера,
стало быть, и сила!

Улита:

Что ж, поезжай, ведь ты в столицу ехать
Собрался снова, знаю — недалеко
Стоит от Боголюбова Владимир.
Показывай ей силу, а меня
Ты отпустил бы к братьям на Москву.

Зачем привез?

Я боле не могу так —

Кругом вражда, насмешливые взоры,

Нахальство грядней и молва народа,

Немое отчуждение попов —

Все это свыше сил моих!

Андрей:

Родная!

Ты только покажи, кто бранным словом

Смутил тебя, а паче — оскорбил,

И я клянусь, что никогда ни разу

Ты этого не встретишь человека,

И ты вольна в поступках и желаньях,

Не пленницей держу тебя — княгиней!

Да что княгиней!

Ты моя царица!

Улита:

Жар-птица в клетке, хоть и в золотой!

Андрей:

Не так, Улита!

Можешь хоть сегодня

Сбираться в путь, любое из поместий

Я отпишу со всеми деревнями

С холопами, лесами, рыбной ловлей
И половину всей моей казны!

Улита:

Зачем мне это?
Братья не из нищих,
А много ли мне надо, одинокой?

Андрей:

Не одинока ты, и сын наш Юрий,
Одноименно названный в честь деда,
Уже орел!
И скоро будет править,
Как я, великим княжеством моим,
А кто сильнее матери-княгини,
В каких бы ни жила она пределах?
Покой ее по смерти обеспечен!

Улита (*печально*):

Какой покой!

Андрей:

Но знай, что ты нужна мне
Сегодня, здесь.
И в этом нет плохого,

Забыты распри прежние и счёты,
Твои же братья служат мне усердно,
И я их щедро жалую за это,
Люблю их и пекусь как о родных,
О всем гнезде почившего Стефана.
И внук его, мой сын любимый Юрий
Великим князем станет на Руси.

(Входит Юрий, с ним Кузьма Киянин и Прокотий)

Андрей:

Да вот и он!

(Строго)

Ну, легок на помине,
Сегодня чем порадуешь отца
И мать твою – опять застольем бражным
Ночь напролет с молодшею дружиной
Да с девками дворовыми?.. Эх, дети,
Спаси вас, Боже. Рати нет на вас!
И ты, Кузьма, содействуешь им тоже
С Анбалом вкупе – винные запасы
Неистощимы в княжьих погребях.
Пусть, стало, пьют, пока не околеют?
Что станутся за воины из них?

Кузьма:

Помилуй, князь.
Какое ж это пьянство,
Когда по чаре хлопцы осушили,
Да княжичу другую поднесли —
Не вижу в этом горя я большого,
Пусть веселятся, молодцы покуда!
Не для того из Киева пришел я,
Не для того с тобою бился о бок
В кровавых сечах, и терпел лишения,
Оберегал княгиню и малого,
Чтоб весь твой род под корень извести!
Не виноват, Прокопия хотя бы
Спроси, ведь ты к нему благоволишь.

Андрей (*грозно*):

Молчи, холоп!
Позвать сюда Анбала!
Сейчас узнаем сколько многоводна
Река течет из винных погребов...
А мнится мне, пошире будет Клязьмы

(*Прокопий уходит за Анбалом*)

Улита (*Андрею*):

Не гневайся!
И разве ты, бывало,
Не пировал с дружиною своею,
И словно равный брат им и хозяин
Не сиживал за дружеским столом?
Войдет в лета, объявятся заботы,
Жена друзей и братину заменит,
А ты под старость нянчить будешь внуков
И все пойдет законным чередом.

Андрей:

Не молод уж!
Со мною не ровняй ты,
Когда бы ум был нынешний, да прежде,
Не ниже бы царьградского престола
Сидел бы василевсом на Руси!

Улита:

Зачем?

Андрей:

Затем, чтоб Русь цвела и крепла,
И преклонялись дикие народы
И варвары степные, и латины
Перед моей великою державой!
А нынче что?

Как будто бы в покое
Живем теперь и славе, и в довольстве
А все еще волнуются пределы,
Возьми хотя болгар и черемису,
И нет житья покойного повсюду —
На юге от набегов половецких,
И сами Мономаховичи тоже
Грызутся, как собаки в подворотне,
Ольговичам на радость и потеху!
Кому же я оставлю дело жизни,
Всей жизни, Уля, злой и многотрудной,
Забывшим веру бражникам развратным?

(Входят Прокопий и Анбал)

Андрей:

Ага, явился!
Что же скажешь, ключник,
В свое ты оправдание сегодня?

Анбал:

Виновен, князь!
Безвинно, а виновен,
Не доглядел.
Весь день кручусь в заботах,
Сморило малость ночью,
я не слышал

У младших гридней шуму никакого,
А девок и в глаза я не видал!

Прокопий (*желая перевести разговор*):

Мой господин!

Андрей:

Тебе чего, Прокопий?
Ты этой ночью был,
кажись, при мне.

Прокопий:

Я не о том.
Когда сейчас с Анбалом
Мы вместе поднимались на крыльцо,
Какой-то жид,
оборванный и грязный,
К нам подошел и в ноги повалился.
И говорит,
что хочет видеть князя,
Служить ему,
великому владыке,
Зело усердно, преданно и верно,
По вотчинам далеким,
дескать, слава
Идет о князе добрая давно,

Что много удивлен и обнадежен
Богатством и величием соборным,
Ходил он в Богородичную церковь,
Другие храмы видел и строенья,
И хочет он всей верою и правдой
Великой послужить твоей державе,
И веру христианскую принять!

Андрей:

Ну, старый лис?
От логова уводишь?
На этот раз, запомни, не удастся
Тебе покрыть друзей своих.

Прокопий:

Да разве..

Андрей:

Гнать от крыльца жидовина!
А впрочем,
Пускай войдет,
мне преданные слуги
Нужны всечасно.
Кличь его Козьма!
Пусть слышит он и пусть запоминает,
Что мы закон блюдем по-христиански,

Что нету места блудням вавилонским
В моем дворце,
не жалуем и пьянства,
От коего все зло в миру творится!

*(Кузьма выходит и через минуту возвращается с гостем.
Тот падает в ноги собравшимся. Анбал в это время прячется
за спину Прокопия, поближе к Улите)*

Встань, странник, слышишь?
Занят я покуда,
С тобой ужо потом мы перемолвим.
Как величать?

Ефрем:

Ефрем, сын Моисеев,
А в Киеве отец зовется Мойзой —
Известный там в округе человек.

Андрей:

Вот и земляк,
Козьма, тебе в подмогу.
Знавал его?

Кузьма:

Да что-то не упомяну.

Андрей:

На этот раз грехи твои прощаю,
А то ведь скажут будто лют с рабами
Великий князь.

Кузьма:

Сослать вели, кормилец!
Мой грех!

Андрей *(не обращая, внимания указывает на Ефрема)*:

Да поднимите же его!

(Кузьма и Прокопий поднимают Ефрема и отводят в сторону)

А ясин где?

(Медленно поворачивает голову и замечает Анбала)

Чего там схоронился?
Умей ответ держать,
как подобает.
И впредь передо мною не юли.

Анбал:

Прости, раба!

Андрей:

Ответь сперва, не ты ли
Выводишь баб на игрища ночные
И погреба хмельные отпираешь
В любое время, в вечеру и в утро,
По первому желанию и знаку —
Мои, холоп лукавый, погреба?!
И не с твоей руки ли, перепившись,
Они снопами валятся под лавки? —
Я знаю все! – И с рожам хмельными
Утрами хмуру бродят по двору,
Когда их князь случается в отъезде?

Анбал:

Вели казнить!

Андрей:

Казнить тебя не буду
На этот раз. Но как же ты решился
Скрывать содом от князя своего?

Анбал:

Я не посмел бы скрыть...

Андрей:

А это верно!

Ты сам зачинщик первый среди них!

И посему мое такое слово:

Дружину всю отправить к воеводе,

К Борису Жираславичу немедля,

Пусть их гоняет до седьмого пота.

А девок и бабенок непотребных

Велю я разогнать по деревням

На самую тяжелую работу,

А то продать,

хотя бы вот клобукам.

Набрать хороших,

к блюду неповадных.

А с ключником особо мы поступим...

Анбал (*валится в ноги*):

Помилуй, княже,

больше никогда

Не повторится этакое дело,

Ведь я, убогий,

преданней собаки

Служу тебе,

готов в огонь и в воду,
На смерть идти, на дыбу,
ты же знаешь,
Что не предам вовек я господина!

(Улита берет руку Андрея и смотрит на него)

Андрей:

Вот именно.
Тем видеть тяжелее
Тебя сейчас!
Когда ко мне притек ты,
Не обласкал ли я тебя,
возвысив
Над слугами своими, и тогда же
С ключами вверил я тебе казну?!
Прочь с глаз моих!

Юрий:

Отец!

Андрей:

Идите вместе.
До Покрова Анбала на конюшню —
Пусть стойла чистит!

Может быть оценит
Тогда расположение мое,

(обращаясь к Юрию)

Ну и с тобой намерен разберусь я!

(Оба выходят, склонив головы)

Андрей *(вдогонку)* :

Ключи оставь!

Анбал:

Кому?

Андрей *(оглядываясь)*:

Да вон, Ефрему,
Уж лучше жид, чем пьяница и бабник!

Прокопий *(подходит к Андрею)* :

Как можно, князь, чужому иноверцу
Довериться от первого знакомства,
Глаголет, что отец его известен,
Кузмище многих в Киеве знавал,

А этого как будто не припомнит,
Смотри...

Андрей (*вскакивая*) :

Сказал, и будет посему!
К тому же иудейские законы
Оставит он, и в том порукой слово, —
Я принимаю всякого на службу,
Кто поклянется мне не изменить.

Прокопий:

Да он же наг!

Андрей:

И что с того?
Запомни
Среди людей он может быть последним,
А первый перед Господом предстать!
Мы разве римских кесарей не выше
В своей любви и в вере православной?!

(*указывает на Анбала*)

И этот вон таким же, ты припомни,
Пришел сюда, и мы не знали, кто он —
А служит мне исправно, и доселе

Мы темных дел за ним не замечали.

Ефрем:

Воистину, велик ты, государь!

Андрей:

Мы окрестим жидовина по чину,
Дадим приют, и службу, и довольство,
Не занимать – и женку подберем,
Коли захочет.

Ефрем (*опять падает на колени*) :

Равных нет на свете!

Андрей:

Тем паче, узы в недрах иудейских
Семейные надежны и крепки,
Хоть и болтают всякое в народе,
Мужи их аккуратны и прилежны
И к золоту рачительны от века.

Ефрем (*принимая на коленях ключи*) :

Великий из великих самовластец,

Клянусь тебе сейчас, как перед Богом,
Отцом своим и предками своими
Землей и небом, совестью и честью,
Что верен я останусь до могилы,
С тобой, куда прикажешь мне, владыка,
Пойду хоть в ад, хоть к черту на рога,
И не было еще раба такого,
Кто стал бы в жизни Мойзича надежней!
На смерть пойду, ты только пожелай!
И веру православную принявши,
Готов я в том поклясться на кресте!

Андрей:

Добро, добро!
До ада нам далеко,
И в рай пока земля не отпускает.

Анбал:

Мы все с тобою, князь и господин,
Куда идешь, туда и мы же следом.

Андрей:

Ну, хорошо.
За преданность и веру
Тебе прощаю также, но помни —
В последний раз, хотя еще и в первый,

Пока поможешь Мойзичу и дело
Обскажешь толком, после поглядим.
Ступайте все, хочу один остаться...

(Все выходят, Андрей останавливает Улиту, берет ее за руку.)

Улита:

Мой сокол, ты устал, сосни недолго,
Пошлю к обеду мамку за тобой

Андрей:

Теперь не время, страшно мне, Улита.

Улита:

Но отчего?
Как будто нет причины
Тревожиться.

Андрей:

Да вроде бы и нету,
Крепко мое владенье на Руси,
Казна полна и преданны холопы,
И в воле нашей младшие князья,

А нет покоя!
Словно жду чего-то,
Известия дурного или хуже —
Измены, или...

Сам не разберу.
Дружина с сыном младшая пирует,
Моя надежда, в будущем опора
Державы нашей, — днями донесли,
Что странные говоривают речи
Какие-то за чашами хмельными,
И будто бы Анбала между ними
Все чаще видят...

Сон мне был тревожный,
Что твой отец поднялся из могилы,
И до поры скрывается меж нами
В обличье чуждом бродит по земле
И подбивает верных на измену...
И этот сон как будто отразился
Сегодня явью...

Улита:

Нет, не может быть.

Андрей:

Я врать не стану,

знаю – и Кучкович,
Свояк мой с ними любит повидаться,
Неладно что-то,
там же и Якимка,
Хотя седьмой воды на киселе
Родней он вам приходится.

Улита:

Не верю.
Тебе во всем Кучковичи опорой,
А речи эти – мало ли болтают,
К тому же неизвестно и о чем.
Поди, в угаре девок не поделят.

Андрей:

Нет, нет, Улита,
чувствую иное.
Опасность чую с этой стороны,
И от того сегодня строг я с ними.
Скорей бы Жирославича услышать.

Улита:

Так все же едешь?

Андрей:

Еду,
дорогая.
Не часто пусть,
но все же видеть князя
Должна столица.

Улита:

Только ли?

Андрей:

Улита,
Тебя люблю,
тебя одну навеки
Одну тебя в душе боготворю.

Улита (*насмешливо*) :

Боготворишь,
а спать бежишь с другою?
Как будто я церковная икона,
Или сестра тебе я во Христе!
Останься!

Андрей:

Позже, Уля.

Улита:

Нет,
Сегодня.
Я так хочу.
Сегодня и сейчас.

(Входит Михн)

Михн:

Под седлами уж кони застоялись,
Дружина ждет.
Загружены подводы...

(взглянув на Улиту):

Отдумал, князь?

Андрей:

Ступай, я скоро выйду.

Улита:

Останься!

Андрей:

Нет, не думай ничего.
Я во Владимир езжу не за этим,
Не задержусь...

(входят Борис Жирославич и Всеволод. Андрей в недоумении оглядывается)

Андрей:

А вы почто сюда?!

Всеволод:

Мужайся, брат...

Андрей:

Да что там?
Киев снова?
Опять Мстислав?

Всеволод:

Гонец заутра прибыл
С известьем верным
— брат наш Глеб, однако
Не сам почил назад тому два года,

А только нынче вызнали – отравлен
Врагами был...

(Андрей обводит всех глазами. Воцаряется тишина)

Андрей:

Известно, кто?

Борис Жирославич:

Известно.

Андрей:

Я чувствовал...
так вот оно, свершилось!
Мне в руку сон, Улита...

Улита:

Что же будет?..

Андрей (*грозно*) :

Рассказывай.

Всеволод :

Да я скажу немного —
Подручный Глеба, Гришка, сын боярский,
Совместно со товарищи своими
Подбили Ростиславичей на это
И согласились подлого изгоя
Владимира Мстиславича принять.

Андрей:

Да, слава Богу, царствовал недолго,
Не допустил Всевышний.

Всеволод:

Но, однако,
Владимиру ведь Киев полагался
В то время по закону старшинства.

Андрей:

Оставь дележ.
Коль мы начнем тягаться
Со всею Русью правом родовым,
А не своим величием державным,.
Начнется бунт, и брат пойдет на брата,
Как это было принято доселе,
Как и сегодня в западных пределах —
Ни правды нет, ни совести в князьях.

Борис Жирославич:

То верно, погубили братолюбца.
А ты же, князь, не ведая об этом,
Великий стол пожаловал Роману
Смоленскому, хоть вовсе не по чину
Сидеть ему на Киевском столе.

Андрей:

Я верю Ростиславичам...
Они же
Мне целовали крест и называли
Отцом меня.
Старейшим нарекли,
И не в пример племянникам и братьям
Со мной досель держались заедино.

Борис Жирославич:

Но, князь, твои все сродники в изгнание,
А Луцк мутят волынские князья,
И Киев Ростиславич не уступит...
Да рядом и племянники его!

Андрей:

Ты что речешь?

Забыл, кто я?

Борис Жирославич:

Помилуй!

Великий царь и князь всея Руси.

Андрей:

Ну то-то же.

Борис Жирославич:

Да слишком далеко ты

Сидишь от Луцка.

Ляхи будут ближе,

А и король угорский недалеко.

Андрей:

Ну, ты заладил будто панихиду.

Пойдет ко мне волынская земля —

Не я ли Луцк разменивал на Киев,

Не ты ль со мною Киев брал на щит!

Пускай они грызутся меж собою,

Коль у Андрея руки не доходят.

Ужо, вот разберемся на востоке,

Я драчунов к порядку приведу.

К тому же брат мой Всеволод за нами,

И Михаил моей послушен воле...

Борис Жирославич:

Приказывай.

Поступим мы по чести.

Андрей:

Злодеев подлых, брата погубивших,
Мне выдать головою и в железах
В мою и в их законную столицу,
На княжий суд как ворогов и татей,
Роману разобраться в этом деле —
Кто киевлян на Юрьевичей травит,
Кто к бунту подстрекает и на смуту.
И всех виновных ставить на правеж.
А если в том и княжеские козни,
То выдать братьев также головою,
И их бояр, замешанных в злодействе.

Борис Жирославич:

А как не испугаются они?

Андрей:

А ежели ослушаются воли
Моей, то пусть столы свои оставят,

И вместе убираются в Смоленск.
Роману вон из Киева,
Мстиславу —
Из Белгорода выехать велю,
От Вышеграда пусть Давыд уходит...

И делятся в Смоленске как хотят!
Ты, Всеволод, отправишься с дружиной
И сядешь сам на Киевском престоле.
Да прихвати и брата Михаила,
Поддержкой верной будет он тебе.

(Жирославичу)

Немедля, как объявимся в столице,
Ты грамоту с печатью изготовишь,
И не теряя времени напрасно,
Гонца назад к Роману отошлешь.
Я все сказал.

Всеволод :

Так едем?

Андрей:

С Богом, едем!
С тобою скоро свидимся,
Улита.

Старшим Кузьма с Якимом остаются.

Улита (*подходя к нему*) :

Останься, сокол, чует мое сердце,
Не в добрую собрался ты дорогу.
Что делать там, ведь тут дела уладил...

Андрей (*отстраняя ее от себя*) :

Ох, кабы так, да дел моих до смерти
И пятерым вовек не переделать.
Теперь не знаю, сколько задержусь...

(*Все выходят. Улита падает*)

Улита:

Ну и езжай, проклятый.
Все напрасно...
Она ему дороже и желанней.
Зачем тогда не слушала я братьев?
Сгубил он жизнь и молодость мою...

(*Входят Петр Кучков и Яким, не видят Улиту*)

Яким:

Уехали!

Петр:

И скатертью дорога.

Яким:

Коль скоро во дворе не отсидеться,
Пока собой устроятся дела... Слыхал, Петро?

Петр:

Все знаю достоверно,
Вчера с Москвы мне весточку прислали,
Что, мол, гонец проехал во Владимир,
Остановился мало поразмяться,
Да выболтал немало в кабаке.
Теперь навряд ли с Киева оброку
Возьмет Андрей...

Яким:

А что народ?

Петр:

С Романом. А только слаб в усобицах Роман.

Яким:

Довольно Ростиславичи окрепли,
И без Романа сладят.

Петр:

Это верно. Давно уж помышляет отделиться
От супостата Киевская Русь.

Яким:

И думно мне, что скоро самовластцу
Конец придет,
Ольговичи поднимут
Его врагов на юге,
а за ними
Тогда восстанет Новгород и Псков.

Петр:

Друг друга Мономаховичи губят.

Яким:

Горды не в меру,
вот и не урядят.

Петр:

Волыни бы с Литвой объединиться,
Да Киеву с клобуками,
как прежде,
Да вместе всем с венгерским королем...

Не устоять тогда уже Андрею,
Хоть и силен.

Яким:

Да в половцах вся сила
Его,
а этих можно подкупить,
Они на брань не слишком-то охочи,
Лицом к лицу рубиться...

Петр:

Знаешь что,
Сметлив ты и проворен,
с полуслова
Меня поймешь.
На юге нам невместно
Служить,
своих хватает родовитых
Бояр и слуг у тамошних князей.

И здесь в холопах томно...

Яким:

Правду молвишь.

Петр:

Так вот, теперь представился нам случай
Свести с Руси жестокого тирана,
И уложить закон по старине.
И если вдруг нечаянно не стало б
Его совсем,
то взяли бы обратно
Свою Москву мы с прежнею землею
И правили бы сами Божьей волей,
Как некогда и главенствовал Стефан,
Отцом его погубленный безбожно.

Яким:

А Михаил со Всеволодом как же,
Да с Юрием,
ведь он уж входит в возраст —
Единственным наследником Андрея
Остался ныне.

Петр:

Эти не помеха.

Мы без подмоги скрутим их...

Яким:

А если...

Петр:

Они без Боголюбского ничто,

А надо —

Ростиславичи помогут.

Я с ключником давно договорился,

Чтоб княжича поил и всю дружину,

И девок непотребных подсылал бы.

Яким:

Я вижу,

в этом Ясин преуспел.

Не кмети,

а разбойная ватага,

Такую раскидать и нам не диво,

Коли с Москвы Кучковичи наедут.

Петр:

Погодь,

не рви галопом,

Боголюбский
Еще пока не выпустил поводья.
Он что-то заподозрил,
вишь, сегодня
В немилость впал наш ключник отчего-то,
Не оступиться б...

Или всем конец.
Да пришлого жидовина проверь-ка,
Откуда он и что себе за птица —
Как снег на нашу голову свалился.

Да не замай пока,
остерегись,
Нам выждать надо,
времени довольно,
А как оно заварится на юге,
Должны мы быть готовыми и тихо...

(Оглядывается назад, и видит Улиту)

Ты здесь, княгиня?
В этот час?
К обедне
Ты не пошла...

(Улита, не отрываясь, смотрит ему с лицо)

Ты слышала?!

(Она кивает головой)

Тем лучше!

Яким:

Пожди, Петро!

Чего уж здесь такого

Сказали мы крамольного особо?

Что Киев вновь противиться удумал,

Так ведь о том уж знает вся столица,

И ко всему должны мы быть готовы,

Ведь так,

Петро, тебя я верно понял?

Да о себе подумать должен каждый,

И о семье своей,

и об имение,

А как иначе,

держится на этом

Любое государство,

и о смердах

Печемся,

кто же их оборонит!

А то, что крут бывает,

и не даром

Великий князь – дак это и не тайна...

На то и князь он призванный от Бога,

Чего скрывать, сама прекрасно знаешь,

И на себе довольно испытала
И гнев его, и скорую расправу.

Феодул:

Не знаю, княже.
Как и сказать...
Так ведь и мы не менее страдаем,
Холопы недостойные, однако...
Хулы на господина не кладем...

Петр:

Замолчь, Яким!

Яким:

А что, не так?

Петр:

Да будет
Валять петрушку...
Слушай же, Улита,
Теперь ты знаешь все и запирайтесь
Мне было бы грешно пред тобой,
Хотя мы не по крови, но роднимся,
И я всегда любил тебя.

Улита:

Неужто?

Петр:

Сестрой зову,
а может даже боле!..
Не обессудь!
Замыслили мы дело
Святое...

Улита (*спокойно*) :

Я люблю его!

Петр:

Напрасно.
Сестра, в своих надеждах обманулась
Жестоко ты.
Тебя давно он предал,
Он во Владимир ездит миловаться
С болгаркой молодою, и сегодня —
Сегодня в ночь...

Улита:

Не надо!

Петр:

Нет, послушай!

Он будет с ней, а ты опять в печали

Ворочайся на ложе одиноком.

Все дни и ночи он проводит с нею,

Любой холоп тебе об этом скажет...

Улита:

Посмейте только!

Петр:

...Каждому бродяге,

И каждой подлой бабе на базаре,

И люду, что на папертях толпится

Теперь железом глотку не зальешь.

Идет молва – честят тебя повсюду,

Что князя, дескать ты околдовала,

И оттого по всей Руси великой

Большие притеснения творятся,

Жестокости и пагуба земле...

Не верь ему, какой он царь, Улита,

Какой отец, взгляни!

Улита:

Какой бы ни был,
Меня он любит!
Вы же сговорились
И сына моего со всей дружиной
Сгубить, и князя мыслите свести.
Он свят как бог...

Петр:

Тебя он любит?
Он лютый зверь, он деспот,
Не верь,
сестра,
словам его коварным.
От забытья очнись, пока не поздно,
Неведением погубишь ты себя.
До сей поры на Киеве молитвы
Возносят по церквам загубленным Андреем,
По душам жен, детей и стариков...

Яким:

Он, аки лев,
с погаными ворвался
Туда.
И запылал великий Киев,
И горький дым на сотню верст в округе,

Разграбленные села заволок.
И Лавра занялась, а супостаты
Громили церкви, бегая повсюду,
Рубили всех от мала до велика,
И не было пощады никому.

Улита:

Болтают больше.
Он не из таковских,
Десятки храмов ныне и часовен
Стоит по всей владимирской земле!

Петр:

Все так,
сестра,
своим он притворился,
Конец свой близкий зря,
конец бесславный,
Спешит теперь замаливать грехи.
Но ты спроси хотя бы воеводу —
Он ездил с князем —
сколько христианских
Невинных душ загублено им было,
И сколько белых храмов сожжено.

Яким:

Поганый тать, надменный половчанин.

Петр:

Прозрей, сестра, такой любить не может,
И никого он в жизни не любил —
железной хваткой он за горло держит
Святую Русь.
И нынче называет себя царем...

Яким:

Он мнит себя владыкой
Не меньше цареградских василевсов,
Наместником Всевышнего,
и даже творцом
и покровителем земли.
А между тем волнуются уделы,
Хиреет смерд под непосильным тяглом,
И каждого ярыжные хватают,
Кто скажет слово против.
А князья,
Которых он за свору гончих держит,
Ни в грош не ставя прежние заслуги,
Тихи и раболепны перед ним.

Петр:

Не мой отец убит, а все же больно

Мне за тебя, Улита, и за братьев
Твоих, за всех Кучковичей, а пуще
За весь народ, за древние устои,
За землю, покореженную им.
И потому скажу тебе открыто,
Что в сговоре давно уже со всеми
Мы братьями твоими и роднею —
От изверга избавить наш народ.

Улита:

Но сын мой!

Петр:

Хм, прости меня, княгиня.
Двоих уж нет,
а Юрия не любит
Отец...

Улита:

А вы?

Яким:

Княгиня,
все пустое,
Мы Юрию худого не желаем,

И рады бы его поставить князем,
Когда б признал он вотчинное право,
И не тиранил преданных бояр.
А что гуляет —
дело молодое,
Покуда молод,
пусть себе резвится,
Худого мы ему не причиним.

Петр:

Решайся же!
Он прежде выгнал братьев,
Своих же кровных, с мачехою вкупе,
С племянниками в Гретчину,
а завтра —
Кого?

Яким:

И уж тогда,
Улита-свет-княгиня
Ты на судьбу-злодейку не ропщи!

*(Улита стоит в нерешительности.
Из — за сцены шум,
игра на гусях.
Яким выглядывает на улицу,*

как бы желая отложить решение)

Улита:

Кто там?

Яким:

Да гусяр бродячий.

Улита:

Позови же

Его сюда.

Быть может, обогреют

Мне душу струны звонкие теперь.

(Яким машет рукой.

Заходит Ор,

кланяется)

Ор:

Земной поклон!

Улита:

Сыграй нам что-нибудь.

*(Ор кивает, садится.
Во время песни входят Анбал и Ефрем,
за ними Кузьма и Прокопий.
Ор останавливается на минутку,
смотрит на Ефрема,
тот заходит за спины)*

Кузьма:

Пожалуйте к обеду, простывает.

Улита:

Гусляр, хоть песнь твоя печальна,
Но мне пришлась по нраву.
Не побрезгуй
Теперь откусать с нами за столом

(Ор кланяется)

Действие второе

Княжеский терем во Владимире. В огромных окнах видны золотые купола Успенского Собора и других церквей, крыши верхнего посада, часть крепостной стены с башней, Видны река, за нею лес. У окна на некотором расстоянии друг от друга стоят Феодор и Микула, беседуют.

Феодор (раздраженно) :

Я не затем пришел сегодня,
отче,
Чтоб здесь с тобою в княжеских хоромах
Вести душеспасительные речи.
Лукавы измышления твои,
Какой ты пастырь,
ежели вселяешь
Разброд в умы и вере православной
Невольные препятствия чинишь?
Кто соберет разбредшееся стадо,
Когда не совещаюсь,
по хотенью
Учнут князя церковными делами
Без нашего на то благоволенья
Как в собственном уделе верховодить?
Ответь же мне!

(Молчание)

Микула *(смиренно)* :

Все сущее от Бога —
И жизнь, и смерть.
Дарована не нами
Мирская власть.
Противиться же князю —
Великий грех...

Феодор:

Ты дерзок,
но не думай
Искать себе почета фарисейством.
Когда бежал ты тайно с князь Андреем
Из Вышгорода – думал ты о Боге?
Остерегись,
пока еще не поздно,
И хоть у князя нынче ты советчик,
Владыка я покуда здесь!
И волен
Тебя сослать куда-нибудь подале,
Дабы расколу в княжестве не быть.
А то расстричь,
коль надобность настанет.

Микула:

Владыка, это ж...
Господи помилуй!
Клянусь тебе, и в самых грешных мыслях
Такого никогда не допускал я,
Молю всечасно Господа о благе
Державы русской.
Дал бы Бог здоровья
Рабу Андрею, будет и единство,
Законы и порядок на Руси.
За этим я сюда явился с князем.
За это живота не пожалею,

Любые муки тяжкие приму...

(Входит Андрей, с ним Борис Жирославич и Михн)

Андрей:

Ну понеслась душа!
Не ожидали
Меня так скоро? Что за разговоры
Ведете вы?
Привет тебе, владыка.
И отче, здравствуй!
Рад увидеть вас
В своих палатах.
Что-то больно редко
Наведаться приходите ко мне!
Или настолько грешен я и темен,
Что понизко со мною говорить?

Феодор:

Храни господь.

Микула *(кланяясь)* :

И княжича с княгиней!

Феодор *(крестит)* :

Спаси и даруй многия ты лета.

Андрей (*шутливо*) :

Ну что же, благодарствую на слове,
Всевышний не оставит без ответа
Твои молитвы. Я ж, недостойный,
Хочу теперь с тобою перемолвить
О важном, отче.

Микула (*кланяясь, хочет уйти*):

Мир тебе.

Андрей:

Останься! Я к скрытным разговорам не привык

Андрей (*к владыке*):

Да ведь и ты, я знаю, не случайно
Пришел сюда?

Феодор:

Да видит Бог, забота
Не зряшная, поди, и не пустая

Из Суздаля сегодня привела.

Андрей:

Поведай!

Феодор:

Князь! Молвою о деяньях
Твоих богоугодных и раденьи
За Русь святую – полнится земля,
И в самых дальних ведомых пределах
И доброта, и ум твой благородный,
А тако же ученость...

Андрей:

Дальше!

Феодор:

Только единого предвидеть не сумел
Теперь, когда ты полный самодержец
Над целой Русью, княжеству обязан
Вернуть ты ныне прежнюю столицу,
А вместе с нею и митрополита
Из Киева сюда перевести...

Андрей:

Об этом думал я, да только Киев,
Поверженный дружинами моими,
Взбунтуется, пожалуй, и на север
Не пустит архипастыря.

Микула:

К тому же
И Хризверг не очень-то скрывает
Хулу свою за Киевский разор.

Андрей:

К Луке отправил я в Константинополь
Давно послов с богатыми дарами —
И нет ответа.

Микула:

Княже, и не будет! Но выход есть...

Андрей:

Я слушаю.

Микула:

Испросим
Отдельной митрополии себе, а там уж поглядим...

Феодор (*грозно*) :

Молчи, отступник,
Делиться нам советуешь, к расколу
Святую церковь хочешь привести?
А ведаешь ли, чем сильна держава?

Микула:

Согласием и верой христианской,
А также твердой княжеской рукою.
Не ладно, коли первый архипастырь
За сотни верст от князя и столицы
Сидит у нас в окраинных пределах.
Отсюда и шатания, и смута
В народе зарождаются, и вера
В святую Церковь в людях не крепка,
Когда они, язычники по сути,
Такое нынче видят отчуждение...
Волхвы опять безумствуют в селеньях.
Нет прилежанья к вере православной,
Детей не крестят многие...
Да что там! —
Иных и вовсе в церковь не затянешь.
Другие будто молятся усердно,

И пост блюсти привыкли, и заветы —
При свете дня, а темными ночами,
Гонимы наущением бесовским,
Еще в дубравах скачут над кострами
На игрищах своих.
И истуканов
В лесах укромных ставят на потребу
Дремучим необузданным страстям.
Справляют тризны варварские тайно,
Деревьям поклоняются и камням,
И умыкают девок у воды...

Андрей:

Я наказал по градам и селеньям
Хватать волхвов, и ворожей, и прочих
Зачинщиков в забаве сатанинской,
И сокрушать прилюдно истуканов,
И суть сих вредных игрищ разъяснять.

Микула:

Увы мне, князь, но что поделать можно,
Когда поврозь...

Андрей (*дружески кладя руку ему на плечо*):

Да ведома, Микула,
Любовь твоя и преданность, и пуще

Твои труды на ниве православной
Совместно с преподобным Феодулом,
Вы мне дороже многих.

Микула:

Сколько силы
Имеем, князь...

Андрей:

Да где же он, однако?

Микула:

С обедни быть в палатах обещал...

Андрей (*к Феодору*):

Я боле не держу тебя, владыка.
Решим на том —
ответ от Хризоверга
Придет когда,
с тобой размыслим купно
О будущем епархии твоей.
На Киев я тебя не отпускаю,
Мне здесь нужнее умственные люди
и преданные слуги во Христе.
Ломать не будем прежнего устройства,

К тому ж, тебя поставить я не властен
Митрополитом Киевским, но митру
Владимирскую ныне обещаю...
Ступайте с Богом!

Феодор: *(протягивая руку для целования):*

Бог тебе судья!

*(Входит Феодул,
как бы не замечая жеста владыки...
Андрей оборачивается к нему.
Вошедший кланяется, Феодор и Микула выходят)*

Андрей:

Ну наконец!

Феодул:

Живи и здравствуй, княже,
На много лет! Пришел тебе поведать
Заботы наши...

Андрей:

Что вы, сговорились? Хотя грешу, тебя услышать рад я.
Но погоди, отец святой, недолго,

Вперед скажи, что думаешь о князе
Своем? И в отношении с владыкой
Какие есть догляды у тебя? Как на духу!

Феодул:

Душой кривить не стану,
К себе мое ты знаешь тяготенье,
Любовь и уважение прими,
А со владыкой...

Андрей:

Что?

Феодул:

Не знаю, княже. Как и сказать...

Андрей (*твёрдо*):

Как есть скажи!
И правды
Хоть ты-то от меня не утай!

Феодул:

Тщеславен наш владыка, хоть и веры

Он не предаст вовеки христианской,
Но тяжко с ним, надменностью своею
Он угнетает.
Тщится в одиночку
Решать дела...

Андрей:

Я вижу!

Феодул:

И советов
Не принимает он ни от кого,
Тем более,
когда мирскою властью
Обличены советчики...

Андрей:

Мне ясен
Намек твой.
Но владимирскую митру
Я только что владыке обещал.
Чего ж еще?

Феодул:

Да что ему Владимир!

Он глаз давно на Киев положил,
И мнится мне, что втайне он лелеет
Одну мечту —
стать на Руси великой
Единственным владыкой христианства,
И власть себе мирскую подчинить.

Андрей:

Господь с тобой!

Феодул:

Я выгоды не вижу
Иной, хотя он сказывал когда-то,
Что ради государственного блага
Готов употребить любую силу,
Зане князей удельных присмирить.
И он умен, хитер и дальновиден,
И воле самостийной непреклонен,
Он своего умеет добиваться,
А потому опасен тебе, князь!

Андрей (*грозно*):

Так вот она — цена поповской клятвы,
Высоких слов и помыслов коварных!
Но поглядим еще!
Не замечал я

Грызни их недостойной и не видел,
Как лаются друг с другом за приходы
В уделах, как жиреют год от года
Монастыри в отписанных уделах,
И вот, подобно зверю Иоанна,
Гордыня их явилась наконец.
И слугами Господними лукаво
Себя при всяком случае зовут.

Феодул:

То верно, князь, монахи зажирели,
И многие священники, и люди
Которые вещают на приходах
Подчас иной без рукоположенья,
Их нынче расплодилось будто крыс
При всех соборах и монастырях,
Алкают не спасения, а пуще
Уже давно пекутся не о пастве,
Но о суетной выгоде своей.
А верные ревнители гонимы,
Слабы и притесняемы повсюду.
Немного их...

Андрей:

Куда же вы глядите!

Феодул:

Да где набраться, князь, десятки храмов
Поставил ты по всей земле великой,
А сколько расцвело монастырей!
Вот и идут случайные людишки,
Обученные грамоте и счету,
Да не у всех есть вера за душой.
Народ наш темен, дик и неуступчив,
Учение земле необходимо,
Как было встарь, при мудром Ярославе.

Андрей:

Но-но!

Хули, да все ж не забывайся,
И мы теперь не лыком шиты, отче,
И каждый третий грамоте обучен
У нас...

И смерд немало разумеет
Писание по книгам.

Но довольно,
Теперь давай о деле по порядку.

Феодул:

Зашли в тупик с печатными делами.

Андрей:

Пошто?

Феодул:

Да все уладиться не можем,
То глину нынче пробуем,
то фоки,
А все не то...

Андрей:

Готовыми листами
Уже давно додумались в Рязани
Оттискивать.

Феодул:

Вот то-то и оно.
Мастеровых своих не распускаю,
А дальше досок дело не идет.

Мудрим пока и топчемся на месте.

Андрей:

А ты взгляни —

в моей библиотеке
Есть оттиски печатные тонгуров,
Ты мастерам снеси их показать,
Быть может,
и надумают.

Феодул:

Вестимо
Нам это, князь, и знаем, что в Китае
Сто лет тому кузнец Пи Шен удумал,
А верно взял у родственных народов —
Отдельные из глины формовать
Все словеса и составлять инако
На разных свитках грамоты...

Андрей:

Так что же,
Найму оттуда и платить им буду,
Коли свои к такому не способны,
Но уж тогда не жалуйтесь...

Феодул:

Однако
Погодь еще.

Мы думали и это,
Нам чужеземный опыт не годится,
У нас письмо и речь совсем иная
Не подойдут нам мертвые слова,
Кои местами ежели заменим.
К тому же в разных грамотах и свитках
Там будет тарабарщина сплошная.

Андрей:

Ты все, что хочешь думай. мне ж скорее
Представь как есть такую богадельню,
Где мог бы я без лишней проволоки
В любое время и числом немалым,
Поскольку царство наше необъятно,
Свои указы множить без досужих
Монахов – перписчиков и люду
О всех делах моих оповещать,
И чтобы были скорые указы,
И вести, и послания к уделам,
Как речь сама, доподлинно живыми!

(Помолчав немного)

Имеете ли мысли?

Феодул:

Да, имеем.

Не токмо в мыслях.
Пробуем ужо.
Нашелся тут из кузнецов подручный,
Я взял его к себе, так он надумал
Из олова все буквицы раздельно
Налить числом поболе, да и в соты
На каждый знак аз-буки разложив,
Слова и строки ныне составляет.

Андрей (*удивленно*):

Выходит ли?

Феодул:

Выходит, и неплохо.
Надеюсь, в скором времени наладим
Кириллу и Мефодию во славу
Мы это дело в нашей мастерской.

Андрей (*задумчиво*):

Хм!
Поставить старшим, дать из подмастерья
Кого попросит...

Феодул:

Он уже назначен

Намедни мною, олова и меди
Отпущено в достатке...

Андрей:
Да гляди,

Чтоб часом не обиделись другие,
Я плату повышаю вполовину
Без исключенья...
И скажи еще им
От княжеского нашего достатка
Столом бесплатным жалуем, а сверху
Одежду шлем и фряжского вина.

(Феодул кивает, Андрей выглядывает в окно)

Смотрю, народ под стенами собрался.
Я должен подготовиться.
Эй, стража!
Впустите всех, кто хочет видеть князя,
Ни одному препятствий не чините,
От терема толпу не отсекай!

(Уходит в боковую дверь, через минуту палату заполняет толпа народа, несколько женищин, посадкий люд, черно-ризы)

1 посадский (*скула перевязана тряпкой*):

Видал, что во Владимире творится —
Мрачнее тучи Феодор-владыка
Из княжеского терема сошел!
Велел закрыть все храмы... все соборы...

2 посадский:

Владимира от церкви отлучил!

1 посадский:

Бурлят концы.
Мы сами прибежали
Сюда узнать, что будет и доколе

Терпеть дружины князей произвол.
На торжище собирается ватага,
Купцы вина бочонок подкатили,
И говорят, по селам за подмогой
Разосланы надежные гонцы,
И в Суздаль тоже, и в Ростов Великий —
Подняться всем – и извергу конец!

2 посадский:

Ха-ха!
Видал сермяжную ватагу,
Ей в балагане ярмарочном впору
Народ смешить заместо скоморохов
На рынке,
а не с князем воевать.
Горшечников и сбитенщиков войско —
Куда вы прете,
кмети в одночасье
Кого побьют, кого возьмут в железа,
И заваруха кончится на том,
Ярыжных во Владимире без счету,
А сколько с ними воинских людей!

1 посадский:

И что с того, когда народ бунтует!

2 посадский (*пренебрежительно*):

Наро-од!
Какой на торжище народ?
Лотошники, опойки да лихие,
Подбитые купчишками на смуту,
А с ними непотребные бабенки,
Чтоб визгу было —
вот те и народ!
Ослопом от меча не отобьешься,
На пику не полезешь с кистенем...

Лавочник (*прислушиваясь*):

Эх, мужики,
роптать мы все умеем,
Да по домам, запершись, рассуждать.
А постоять не можем друг за друга!

2 посадский:

Твоя душа продажная известна —
Содрать поболее денег с православных,
Свое гнилье втридорога всучить.
С какой нужды я с голыми руками
За твой барыш полезу на рожон?

Лавочник:

Эх, голова садовая, два уха —

За веру православную подняться
Должны мы ныне.

2 лавочник:

Я тебе не должен!

Лавочник:

Ну, хорошо,
втридорога товару
Берешь ты в лавке,
а пошто – подумал?

2 посадский:

По то, что шкура волчья у тебя!
А до торговых ластишься лисою —
Ты и теперь сюда подослан ими!

Лавочник:

А глуп ты, братец!

2 посадский:

Кто?

Лавочник:

Да дед Пихто!
Дороговизну все теперь ругают,
А ведь никто не думает,
как тяжело
Живется мне!

2 посадский:

Неужто?

Лавочник:

В самом деле!
Куда ни сунься,
всюду оговоры,
Налоги непосильные,
а пуще
Поборы да подарки.
Всюду надо
На лапу дать,
не то тебе конец,
Опустят мигом в яму долговую
И лавку с домом и со всей скотиной
В казну своею волей заберут.
Детишки, вишь,
оборваны и сиры,
Их впору в люди выставить из дому

И самому за ними отправляться
По миру следом именем Христа
Просить куски под окнами.
Не видел давно уж я убоины и в праздник,
Жена, что говорить,
и не упомнит,
Как смотрится – от новый сарафан!
Все до последней нитки обирают.
И нет на них креста ни на одном!

1 посадский:

Да ладно друг, кому сегодня легче?
Все под одной рукою погибаем,
Ты нищей братье Лазаря не пой.

Лавочник:

Да я ништо!
Такие вот бараны

(в сторону 2 посадского)

Законники незваные, Иуды,
Христа за чарку водки продадут!

2 посадский *(хватая лавочника за грудки)*:

А ну, поди сюда, свиное рыло,

Ты на кого тут хрюкаешь?
Да если
Я свистну, вмиг полгорода сбежится
И в ключья здесь любого разорвут!

1 посадский (*лезет разнимать*):

Да хватит вам!
А ты сучи не больно
Руками-то, не то укорочу!

*(Подбегают еще люди,
слышны голоса из толпы, «наших бьют»,
происходит возня,
дьячок крестится,
женские визги,
рослая стража растаскивает спорщиков.)*

Начальник стражи (*замахиваясь на толпу*):

Ну, осади!

Стражник (*вынимая меч*):

Утухли тамо!
Живо!
По стенам, смерды.
Здесь не забалуешь!

Вишь подлые, надумали в хоромах
Устраивать кулачные бои!

(Толпа отхлынула к стенам палаты)

Голос из толпы (к стражнику):

Ну, Федька, пожалеешь, сучий потрох,
Надел доспех и скачешь петухом?!

Другой голос:

Погодь, в посад заявишься проведать
Родителей, тогда ужо посмотрим,
Каковский ты герой на кулачках!

(Стражники грозно расхаживают вдоль толпы, шум усиливается)

2 посадский:

А ежли с князем явится дружина,
Да по дворам как зайцев переловит...

Голоса:

Поди возьми!
Посадские стакнутся,

Дак мы их как кутенков передушим,
На что нам князь такой!
Терпенье наше
Доколе он испытывать собрался!
Прогоним к черту!
Наша нынче сила!
Уходит пусть с Владимира на Киев,
А нам и Ростиславичи годны!

(Боковые двери открываются.

*Входит Андрей Боголюбский с женой, рядом Борис Жирот-
славич и Юрий, Феодул и Микула, Прокопий, личная охрана.
Сразу наступает тишина)*

Андрей (*надменно*):

Аз, господин великий, князь и цесарь
С княгинею и слугами моими
Приветствую владимирский народ...

(Садятся с княгиней, остальные толпою вокруг трона)

Что здесь за шум?

Начальник стражи (*грозно обводя глазами палату*)

Пустое, князь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.